

ПОЛ КРИС
СТЮАРТ И РИДДЕЛЛ

Барнаби
Раймс

ПРОКЛЯТИЕ
НОЧНОГО ВОЛКА

Волшебный мир Криса Ридделла

Крис Ридделл

Барнаби Граймс.

Проклятие ночного волка

«Издательство АСТ»

2007

УДК 821.111-34-053.2

ББК 84(4Вел)-44

Ридделл К.

Барнаби Граймс. Проклятие ночного волка / К. Ридделл —
«Издательство АСТ», 2007 — (Волшебный мир Криса Ридделла)

ISBN 978-5-17-113468-6

Барнаби Граймс – шустрый, любознательный паренёк – служит тик-такером. Это отчасти курьер, отчасти посыльный: только тик-такер должен быть гораздо быстрее первого и выносливее второго. Работа не для слабаков и недотёп! Город Барнаби знает как свои пять пальцев – каждую улицу, каждый закуток. Город этот – целый мир, полный тайн. Выполняя поручения, Барнаби то и дело попадает в переделки. Такие кошмары с ним приключались, что и злейшему врагу не пожелаешь. Об одном из этих кошмаров и пойдёт речь в нашем рассказе...

УДК 821.111-34-053.2

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-113468-6

© Ридделл К., 2007

© Издательство АСТ, 2007

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Пол Стюарт, Крис Ридделл

Барнаби Граймс. Проклятие ночного волка

Paul Stewart
Chris Riddell
Curse of the Night Wolf

© Paul Stewart and Chris Riddell, 2007
© К. Османова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

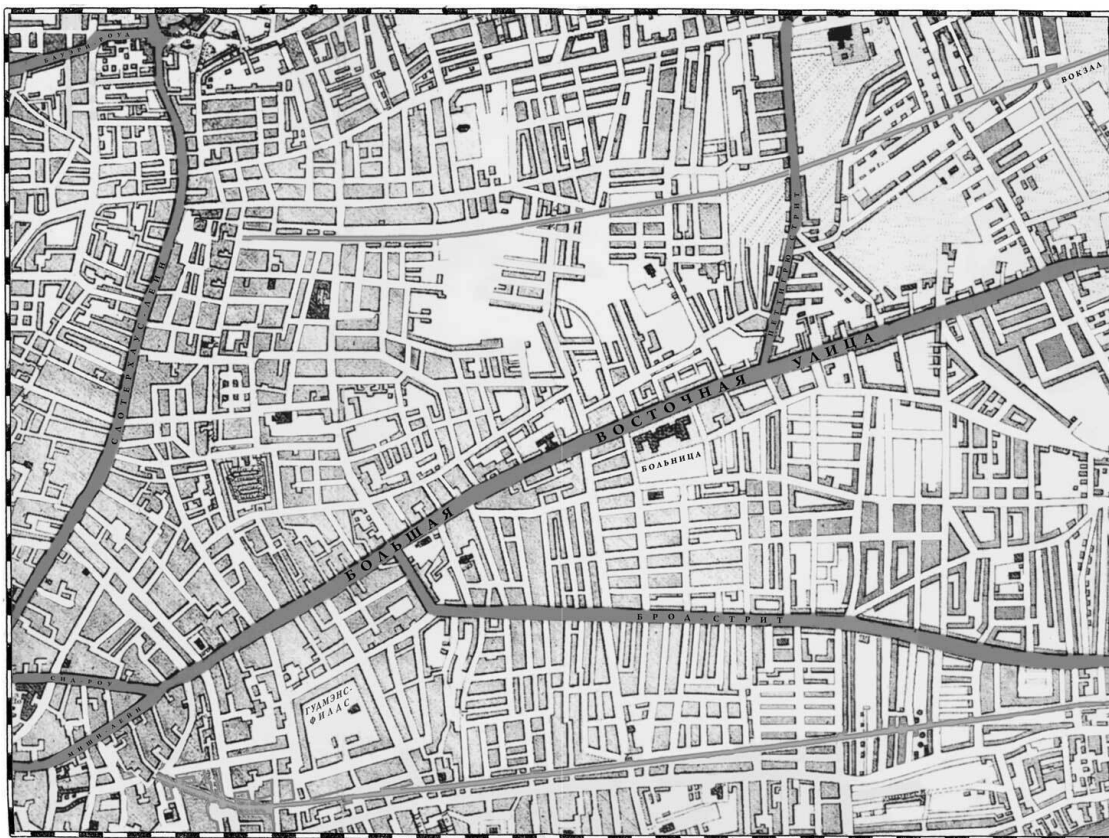
* * *

Моему племяннику Стивену

П. С.

Джеку

К. Р.

Глава 1

Знаете ли вы, каково это? Хоть раз такое испытывали? Как будто с вас медленно сдирают кожу? Когда мышцы – ноют и набухают, а кости изнутри словно прорывают плоть? Вы хоть раз чувствовали, как натягиваются до предела сухожилия? Хоть раз боялись, что ваш скелет сейчас раскрошится – прямо внутри тела?

Я всё это испытал и до конца своих дней не забуду того, что со мной произошло.

Помню лунный свет. Он ударил мне в глаза. Огромный серебряный диск полной луны надо мной. Этот ядовитый свет просачивается сквозь кожу, бежит по венам, пробуждая нечто, спрятанное глубоко внутри.

А потом – боль. Страшные конвульсии терзали моё тело, кожа горела. Я опустил глаза и в ужасе увидел, что пальцы на руках и на ногах вытягиваются, конечности превращаются в мощные когтистые лапы. На шее вздулись вены, живот свело судорогой, мышцы напряглись и задрожали – казалось, под кожей у меня копошатся полчища проворных крыс.

Я почувствовал жжение в горле, весь язык раздуло, да так, что стало трудно дышать. Я закашлялся, язык вывалился и повис меж разомкнутых губ в уголке рта. На пол капала слюна, блестя в лунном свете.

Сколько боли я перенёс. Сколько лютой боли. Череп словно зажали в столярные тиски и сжимали, всё сильнее и сильнее.

А потом я услышал странный звук...

То ли хруст, то ли треск – я ощутил, что челюсть моя вытягивается вперёд, как, впрочем, и нос – теперь я мог их видеть сквозь сужившиеся глаза.

Я резко встряхнул головой и попытался закричать, однако, звук, который мне удалось выдать, был больше похож на тьякканье. Да, сначала я тьякал. Потом завыл. Как зверь.

Я хотел убежать, но не тут-то было: навалилась неопишуемая тяжесть, я с места сдвинуться не мог. Меня словно заперли внутри собственного тела, претерпевающего метаморфозы: я бушевал и неистовствовал, но на деле не мог пошевелить и пальцем. Моё тело больше мне не подчинялось.

Слух внезапно обрёл доселе неведомую чуткость. Обострилось зрение: всё вокруг стало чётким и выразительным, хотя и любопытно вытянутым, как будто я смотрел сквозь слегка искривлённую линзу. Ноздри вздрагивали: несметные запахи ударили мне в нос.

Резкий – олифа, лакированное дерево. Сладкий – женские духи. Кислый – так на самом деле пахла та женщина, духами она пыталась скрыть собственный запах. Полировка. Пролитое молоко. Смятая трава. Голубиные перья. Сажа. Пыль. Щебёнка. Рвота. Собачья...

А потом – начался зуд. По всему телу. Невыносимый. Я скоблил себя, что есть мочи, расчёсывал, где выходило достать, когтями до крови. И тут меня взяла оторопь. Собственными глазами я увидел, как сквозь мою мягкую, почти безволосую кожу прорастает тёмная густая шерсть.

В ужасе я уставился на это, а потом снова взвыл. Разорванная одежда свисала с меня лохмотьями, некоторые лоскуты валялись рядом на полу.

Тесная и мрачная комната. Стены, пол, потолок – всё обито плотным грязновато-серым стёганым войлоком, очевидно, чтобы заглушить звуки. Кое-где на обивке виднелись засохшие пятна крови.

Над головой моей виднелся просвет – слуховое окно с толстым двойным стеклом, прорубленное в низком скошенном потолке. Окно напоминало глаз чудовища. И я, замороженный, не в силах пошевелиться, глядел в этот магический глаз, из которого лились лунные лучи.

А потом за спиной кто-то противно усмехнулся. Превозмогая боль, медленно я повернул голову...

Какой-то человек. Смотрит на меня в упор.

Одет в халат. На голове – странный мешок, под которым не видно лица. Лунный свет отражался от стеклянной поверхности тёмных вставок, скрывающих глаза. В руке, обтянутой перчаткой, человек держал огромный шприц из стекла и серебра.

Я тарасился на неизвестного в оцепенении.

В следующую секунду жуткий призрак направился ко мне. Он ступал неспешно, аккуратно, держа шприц перед собой. Я затрясся от страха и заскулил.

Тук-тук-тук.

Призрак подходил всё ближе, поднимая шприц. На кончике длинной иглы выступили капли серебристо-белой жидкости.

Лунный свет отражался от стеклянной поверхности тёмных вставок, скрывающих глаза

Я наострил уши и грозно заворчал. А что ещё мне оставалось делать – убежать-то я не мог. Я словно прирос к полу. Тело прошила новая судорога.

Тук-тук-тук.

Откуда же этот звук? Что-то колотится по обитому тканью полу, вторя ритму сумасшедше бьющегося сердца. Я тщетно старался вновь обрести контроль над своим истязаемым болью телом. Призрак поднял в воздух шприц, увенчанный острой иглой.

Тук-тук-тук.

Ну вот, опять. Я вздрогнул. И вдруг понял, где колотится – у меня за спиной...

Я обернулся.

Это стучал мой хвост.

Глава 2

Покуда жив, я буду помнить события той ужасной ночи. Даже сейчас, когда я рассказываю о них, на лбу у меня выступает холодный пот, а руки дрожат. И всё же рассказать я должен – ведь, может статься, именно моё повествование прольёт свет на червоточины этого беспокойного великого города.

Да, город этот – целый мир, полный тайн: уж мне-то, как настоящему тик-такеру, пришлось изучить его отменно. В такие страшные переделки я попадал, такие кошмары со мной приключались, что и злейшему врагу не пожелаешь. Об одном из этих кошмаров и пойдёт речь в моём рассказе...

Как вы уже поняли, я – тик-такер. Профессия такая, отчасти – курьер, отчасти – посыльный: только тик-такер должен быть шустрее первого и гораздо выносливее второго. Работа не для слабаков и недотёп, уж будьте уверены.

Город я знаю, как свои пять пальцев: каждую дорожку, каждый закуток, каждую улочку. Не знать – права не имею: дело профессиональной чести. Что ни говори, это уже у меня в крови. Как будто карта в меня вшита. Назовите два любых места, и я, ни секунды не раздумывая, скажу, как быстрее всего добраться из одного в другое. Время – деньги. Тик-так, тик-так – отсчитывают часы.

Вот потому нас и называют – тик-такерами.

Мы не просиживаем штаны за письменными столами в конторах, похожих на тюрьмы. Мы – другие, мы всегда – на свободе, на бегу, на лету. Присутствуем при составлении завещаний, вручаем повестки, записываем показания, собираем заявления, раздаём выписки, носимся с разными бумагами – вот будни тик-такеров. Но, смею вас заверить, на мою долю выпадали и самые что ни на есть необыкновенные поручения.

Один раз, например, я должен был доставить партию голубых в крапинку, ещё тёплых яиц мускусных уток в Орнитологическое Сообщество Топей и Болот – минута в минуту к началу Ежегодного Торжественного Обеда в честь Вылупления. Был ещё случай с тайным маскарадом, который устраивала леди Фицровия, – тогда мне пришлось под покровом ночи разносить две сотни приглашений с золотыми краями, стараясь ускользнуть от вездесущих шелкопёров из светских новостей. А однажды ко мне обратились с просьбой отнести по подписке знаменитую брошюру полковника Уайбриджа-Тонкса под названием «Систематические повреждения невычищенного водостока», и уже в пути я обнаружил, что по канализационным трубам за мной неотступно следует стайка плотоядных саламандр...

Но эта повергающая в трепет всякого слушателя история заслуживает отдельной книги.

А нынешний мой страшный рассказ я начну с того, что вспомню о невинной, на первый взгляд, моде на меховые воротники и манжеты – такой тип оторочки называли «вестфальская отделка». Не так давно она была невероятно популярна – но мода вообще штука переменчивая. На этой неделе, например, на Гэллоп-роу пруд пруди франтоватых молодчиков в цилиндрах с двойным ободом, а уже на следующей те же молодчики вот так запросто фланируют в соломенных шляпах с кистями. А эти распрекрасные юные особы, которые прогуливаются по Хай-маркет и Ридженси-молл, – такие непостоянные! Сегодня все, как одна, шеголяют в кружевных митенках и ботиночках из тюленьей кожи, а завтра – вдруг в юбках на восточный манер и с карманными, не крупнее кротов, собачками.

Что до меня, мой неизменный костюм – охотничий жилет с двенадцатью карманами, угольно-чёрный цилиндр и старая-добрая трость из чёрного дерева с вкладной шпагой. Я за модой никогда не гнался. Уж увольте, вся эта мода пусть остаётся франтоватым молодчикам да юным прелестницам. А они тогда, что и говорить, словно помешались на вестфальской отделке.

Густой, мягкий, богатый мех. Но что действительно отличало этот мех от до смерти надоевшего кролика или, положим, белки – а то и кошки бродячей – так это блеск. Право слово, не увидев собственными глазами, как блестел мех вестфальской отделки, невозможно представить себе, о чём я говорю. Блеск столь восхитительный, что, казалось, из самого меха исходит свечение.

Говорили, что для вестфальской отделки требуется шкура редкого вида волка – ночного. Это огромное животное рыщет в лесах, обступающих далёкий город Танненбург, что на востоке, в горах. Шкура зверя ценилась так высоко, что ладно скроенное пальто с оторочкой из вожаделенного меха стоило в тысячу раз дороже, чем такое же – но без вестфальской отделки.

А они тогда, что и говорить, словно помешались на вестфальской отделке

В те дни франты и модницы на Гэллоп-роу и Ридженси-молл состязались: у кого воротник выше, а манжеты – пышнее. Однако, как я уже заметил, мода есть мода, и я бы не уделил

этому столько внимания, если бы не жуткий случай, который произошёл со мной одним промозглым весенним днём, когда я направлялся в юридическую контору Брэдстока и Клинка.

С молодым Брэдли Брэдстоком и старым Алоизиусом Клинком я работал давно. С утра я забрал у них партию повесток и уже успел разнести их по адресам, а теперь возвращался в контору обычным маршрутом. Обычный день, обычная работа – подумал я на ходу.

Но никогда ещё я так не ошибался.

Ничто не могло подготовить меня к тому, что предстало перед моими глазами на старых крышах, когда я шёл своим привычным – кратчайшим – путём. Это было леденящее кровь зрелище.

Глава 3

Но чтобы в полной мере передать ужас невероятной истории, начало которой было положено той ночью, я должен рассказать вам о моём друге, старике Бенджамине.

Старик Бенджамин занимал пару обшарпанных комнатушек в высоком скошенном доме, что на углу Уотэр-лейн и переулка Чёрной Собаки. Жил он там с незапамятных времён. Долгие годы ездил извозчиком на четвёрке. Голову его увенчивала огромная копна непослушных волос, лицо было всё в морщинах. Он всегда казался мне старым – много позже я вдруг подумал, что дети считают всех взрослых глубокими стариками. Наверное, так оно и есть.

Когда я только начинал работать и был подручным на побегушках, то часто встречал старика Бенджамин. Если у него случался выходной, он вытаскивал из своего жилища древнее, выдавшее виды извозничье кресло и ставил его на мостовую, прямо перед домом. И тогда в любой час дня и ночи можно было приметить, как, устроившись на своём покорёженном троне, старик Бенджамин наблюдает за жизнью, что течёт перед его глазами.

Когда он был в добром расположении духа, то приветствовал прохожих, и для каждого, кто останавливался перекинуться с ним словечком, у него находилась байка или шутка. В иные дни он был сварлив, как пёс, и тогда изрыгал страшные проклятия вслед извозчикам, чьи лошади оставляли прямо на брусчатке дымящиеся кучи, на чём свет стоит ругал уличных сорванцов, обстреливающих окна гнилыми апельсинами, и грозил кулаком уважаемым джентльменам за то, что они не снимали шляп, когда проходили мимо почтенного старика Бенджамин.

Должен сказать, со мной он всегда был приветлив. Чаще всего ему удавалось изловить меня, когда я торопился по важному заданию. Тогда старик Бенджамин брал с меня обещание непременно выполнить его личное поручение – передать пару слов приятелю-извозчику на другом конце города или купить что-нибудь в лавке.

За работу он вознаграждал меня монеткой – конечно, не бог весть какие деньги, но на круглый леденец или кусочек шербета хватало...

И всякий раз, когда он с высоты своей четвёрки замечал, как я спешу по улице, он останавливался и подвозил меня. И никогда не брал с меня денег.

Я полюбил его колымагу. Она была меньше, чем те повозки, что мы привыкли видеть на улицах сегодня. На ней не было специальной лесенки, чтобы взбираться на верхнюю площадку, – только ступеньки сзади. Наверху, ровно на середине крыши, крепились две узкие скамейки – спинка к спинке. «Подставка для ножей» – называл эту конструкцию старик Бенджамин. Держаться было не за что, никакой защиты от непогоды не было. Пассажиры наверху отчаянно цеплялись друг за дружку всякий раз на поворотах, то и дело вскрикивая, то ли от испуга, то ли от восторга.

Что и говорить, старик Бенджамин был мне хорошим другом. Потом ему пришлось оставить работу. Причиной тому стал «кучерской недуг» – так называли болезнь лёгких, которая часто настигала тех, кто занимался извозом: сухой отрывистый кашель из-за постоянно вдыхаемой городской пыли и копоти. Отработав своё, старик Бенджамин почти всё время проводил теперь в извозничьем кресле перед домом.

В этом-то кресле я и увидел его однажды ясным весенним днём, когда спешил мимо по поручению. Старик выглядел утомлённым и больным. Под слезящимися голубыми глазами залегли тёмные круги, непослушные волосы мышинного цвета, уже изрядно поседевшие, но всё ещё необычайно густые, торчали во все стороны.

– Барнаби! – воскликнул он, едва завидев меня, и расплылся в улыбке. Во рту у старика не доставало зубов, а те, что ещё держались, были похожи на гнилушки. – Наследный принц Барнаби Граймс! Собственной персоной! Каким ветром за... *кхеее... кхеее...*

Неожиданно поток острот иссяк. Старик Бенджамин зашёлся в приступе кашля. Он потянулся ко мне, из глаз его брызнули слёзы, лицо страшно побагровело. Он тщетно пытался что-то сказать. Скверный лающий кашель всё набирал силу. В горле у старика булькало, а в груди – даже как будто дребезжало.

– Кхеее... кхеее... кхеее... кхеее...

С выпученными глазами он ловил ртом воздух, и, сказать по правде, было похоже, что он отдаст богу душу, не сходя с этого самого места.

– Кхеее... кхеее... кхеее...

Не в силах произнести ни слова, он замахал руками куда-то назад. Я догадался, чего он хочет. Я шагнул вперёд и здорово врезал старику по спине.

К ужасу моему, после такого «лечения» Бенджамин принялся кашлять ещё свирепее. А потом он захрипел – и резко затих. Голова его упала на грудь.

– Бенджамин... с тобой всё в порядке? – с тревогой спросил я.

Старик Бенджамин поднял голову. В лице его не было ни кровинки.

– Кучерской недуг... всё хуже и хуже... – он скорбно покачал головой, с трудом выдавливая из себя слова.

– Тебе бы доктору показаться, – предложил я.

– Доктору! Ни слова при мне о докторах! – Старый Бенджамин не на шутку взволновался. – Всего-то пару минут смотрят на тебя, словами какими-то мудрёными бросаются, а потом говорят: «Полный покой, голубчик, а лучше отправляйтесь-ка в горы или на побережье!» И за это ещё обдерут тебя, как липку. Тьфу ты! – Он сердито замотал головой. – Нет уж, всё, что мне нужно, дружище Барнаби, это – всеисцеляющее средство, одно лекарство от всех болезней – что-нибудь бодрящее, да желательно покрепче. Ты же понимаешь, о чём я...

Я прекрасно понимал, о чём он. Сейчас всё, что угодно, можно купить у шарлатанов без рецепта – хоть дюжину флакончиков готовых лекарств. Загвоздка лишь в том, что добрая половина этих снадобий принесёт больше вреда, чем пользы. Поэтому одно и то же средство долго на прилавках не задерживается.

К примеру, жаропонижающий порошок доктора Джолиона запретили продавать, когда выяснилось, что температура после него исключительно повышается. А железные пилюли, изобретение Моррисона, больше не выпускают потому, что те, кто их принимал, через некоторое время становились коричневыми, как ржавчина. Поговаривали, что причиной череды жутких смертей в восточной части города стали сердечные капли Годфри.

Не так давно шуму наделало снадобье старой матушки Беркли. Его создательница уверяла, что это чудесное средство можно принимать «при любых обстоятельствах», что оно «не требует ни особой диеты, ни постельного режима» и что его «своевременное употребление» непременно «устранит все жалобы» и «излечит все недуги». Самое хорошее, что я могу вам поведать про это, с позволения сказать, лекарство – его побочные эффекты не были необратимыми. Например, вы выпивали матушкино снадобье – и у вас выпадали все волосы. Однако печалиться не было нужды – они, как правило, снова вырастали!

Как бы там ни было, я пообещал старику Бенджамину, что постараюсь раздобыть для него что-нибудь целебное, и отправился дальше. Но даже когда я уже поворачивал на Мишн-лейн, до меня всё ещё доносился беспощадный отрывистый кашель старого извозчика. Ему поможет только чудо, – помню, подумал я про себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.